

---

## БИБЛИОГРАФІЯ.

### Главныя направленія въ научной постановкѣ православно-церковнаго права.

(Продолженіе и окончаніе) <sup>1)</sup>.

„Курсъ церковнаго права“ покойнаго А. С. Павлова стоитъ въ самой близкой, родственной связи съ двумя уже рассмотрѣнными нами курсами, соприкасаясь съ ними и внутреннею своею стороною—методомъ и направленіемъ въ разработкѣ церковнаго права, но существенно и отличаясь отъ обоихъ. Это обстоятельство даетъ намъ возможность не только характеризовать особенность направленія и метода А. С. Павлова, но и дать сравнительную оцѣнку достоинства какъ самаго направленія, такъ и самыхъ сравниваемыхъ курсовъ.

Желая по возможности быть короче и яснѣе въ своихъ характеристикахъ мы позволимъ себѣ выразить это отношеніе трехъ курсовъ въ такой метафорѣ:

Два прежде рассмотрѣнные курса отличаются широтою направленія: это двѣ рѣчки, стремящіяся разлиться какъ можно шире, занять для своего ложа или фарватера возможно обширнѣйшій районъ, но не заботясь объ углубленіи; курсъ А. С. Павлова представляетъ не очень широкую но глубокую рѣчку и его направленіе—не расширеніе однажды занятаго русла—но углубленіе его.

Это характерное отношеніе выразилось до мелочей, даже чисто вѣщныхъ: курсъ Преосвящ. Никодима располагается

---

<sup>1)</sup> См. Богослов. Вѣстн. Октябрь.

на 784 стр., Учебникъ Проф. Н. С. Суворова на 328 стр. весьма убористой печати; курсъ А. С. Павлова на 589 стр. крупной, можно сказать роскошной печати, (т. е. вдвое меньше Учебника г. Суворова).

Теперь—къ разсмотрѣнью дѣла по существу. Предметомъ своего курса А. С. Павловъ ставитъ право русской церкви, но какъ части цѣлой восточной церкви: такъ ограничиваетъ онъ поле своей науки, т. е. русло своей рѣки, по сравненію съ полемъ зрѣнія двухъ предыдущихъ курсовъ <sup>1)</sup>).

Методъ избранный имъ для научной разработки своего объекта онъ самъ характеризуетъ какъ *историко-догматическій*. Этимъ методомъ онъ близко сходится и съ позитивнымъ направлениемъ. Преосвящ. Никодима и съ историческимъ—г. Суворова, но и глубоко отъ нихъ различается.

Онъ такой же позитивистъ, какъ и Преосвящ. Никодимъ, даже, пожалуй, болѣе строгій и точный: ни одна мелочь изъ дѣйствующаго права не ускользаетъ отъ его вниманія; его система или догматика права всецѣло истекаетъ изъ положительныхъ источниковъ его, исторія которыхъ и составляетъ *вводную* часть его курса—также какъ и у Пр. Никодима. Но глубокая разность—въ слѣдующемъ:

Положительные источники церковнаго права принадлежатъ къ разнымъ эпохамъ и различнаго значенія: между собою они допускаютъ идейную разность, иногда доходящую до противорѣчія, кромѣ того естественно допускаютъ возможность и различнаго ихъ толкованія. Какъ же разобраться въ этой массѣ противорѣчивыхъ и разнорѣчивыхъ источниковъ? Пр. Никодимъ держался, по его собственнымъ словамъ такого метода: 1) въ изложеніи права быть *вѣрнымъ источникомъ*, на который оно опирается: „въ текстѣ я говорю только то, на что *меня* наводили источники“. 2) Тамъ гдѣ они противорѣчатъ или допускаютъ возможность разныхъ толкованій Пр. Никодимъ ставилъ критеріемъ „*общія церковно-юридическіе источники и практику древней церкви*“. „Нѣкото-

<sup>1)</sup> Правда онъ вводитъ въ видѣ дополненія къ III-й главѣ своей системы очеркъ устройства церквей: р. католической, евангелическо-лютеранской и армяногригоріанской, но этотъ очеркъ онъ дѣлаетъ лишь въ **рамкахъ**, опредѣляемыхъ дѣйствующимъ сводомъ нашихъ законовъ; такъ что это дополненіе не входитъ такъ сказать *органически* въ его систему и ни мало не измѣняетъ ея существа.

рые вопросы—говорить онъ — изложены въ моей книгѣ *не согласно съ общимъ мнѣніемъ..* Но я долженъ былъ говорить именно такъ потому, что меня къ тому побуждали общіе церковноюридическіе источники и юридическая практика церкви *того времени*, когда жизнь ея представляла наилучшую гармонію, и когда она управлялась исключительно по предписаніямъ своего Основателя и Его первыхъ послѣдователей“.

Недостатки этого метода выдають т. сказать сами себя: 1) здѣсь прямо указывается на *личное* толкованіе источниковъ: „какъ меня наводили“; 2) строгій консерватизмъ автора не удобенъ потому, что и общецерковные источники и древняя практика несомнѣнно носили на себѣ печать *своего времени*, необходимо приспособлялись къ *обстоятельствамъ*, слѣдов. необходимо содержали въ себѣ элементы преходящаго свойства: теперь другое время и другія обстоятельства и потому *всецѣло тянутъ нынѣшнюю практику* и нынѣшнее право *къ тому отдаленному*, хотя и золотому *вѣку*,—нельзя, или—въ крайнемъ случаѣ—весьма тяжело.

Иной путь выбравъ изъ этого затрудненія избралъ для себя и рекомендуетъ другимъ А. С. Павловъ. Не ощущая въ себѣ способности яснѣе и короче передать сущность его метода, мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ подлинныя слова его:

„Задача нашей науки—гласить § 8-й—состоитъ въ томъ, чтобы построить систему церковнаго права *на основаніи его собственныхъ началъ и изъ его собственныхъ источниковъ*. Само собою понятно, что наука должна имѣть дѣло съ *дѣйствующимъ* правомъ церкви и главнѣйшимъ образомъ — съ правомъ русской церкви. А какъ русская церковь есть часть единой восточной православной церкви, то ея право должно быть излагаемо въ неразрывной связи съ правомъ этой послѣдней. Но чтобы правильно понять *жизненное* значеніе того и другаго права, необходимо знать, *какъ* оно образовалось. Отсюда наилучшимъ методомъ научнаго изложенія церковнаго права долженъ быть признанъ методъ *историко-догматическій*. Именно: мы должны *восходить къ источнымъ началамъ* cadaго церковноюридическаго института и *потомъ слѣдить за всеми фазисами* его историческаго развитія, *постоянно и точно отмѣчая тѣ мѣстныя, національныя,*

политическія вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ онъ достигъ настоящаго своего вида. Въ этомъ генетическомъ процессѣ право церкви предстанетъ предъ нами, какъ живое, въ своемъ жизненномъ ростѣ, съ своимъ собственнымъ характеромъ. Слѣдя за этимъ процессомъ, мы обязаны постоянно имѣть въ виду связь церковнаго права съ самымъ существомъ церкви, съ догматическими основаніями церковноюрдическихъ институтовъ. Эти основанія должны служить пробой для положительнаго права. Съ точки зрѣнія *этихъ основаній* открывается, что составляетъ существенное зерно каждаго церковно-юрдического института, и что есть только внѣшняя его оболочка, измѣняющаяся со временемъ и не требующая одного постояннаго и твердаго вида. Такой исторической и вмѣстѣ *раціональный* методъ ясно покажетъ намъ, что слѣдуетъ признавать въ правѣ церкви существеннымъ и неизмѣннымъ и что—случайнымъ и несущественнымъ, и какъ далеко можно идти въ церковныхъ преобразованіяхъ, не касаясь существа церкви, и не колебля основаній ея права. Обработывая такимъ образомъ церковное право, наука тѣмъ самымъ способствуетъ его примѣненію къ практической жизни и, давая церковной и государственной власти материалъ для законодательства, пролагаетъ путь къ обновленію и дальнѣйшему развитію права“<sup>1)</sup>.

Мы выписали дословно весь 8 § курса А. С. Павлова, вынуждая редакцію Богослов. Вѣстника выпустить его такъ сказать вторымъ изданіемъ безъ перемѣны.

Мы поступили такъ не потому только, что признаемъ вполне вѣрнымъ все здѣсь сказанное, такъ что отъ себя не въ силахъ что либо прибавить или убавить, и не потому, что благоговѣемъ предъ самымъ стилемъ автора, на нашъ взглядъ совершенно безукоризненнымъ. Можетъ быть, понатужившись, мы сдумали бы тоже самое пересказать своими словами и не хуже. Но мы воздержались отъ этой попытки по той причинѣ, что всякій пересказ своими словами выраженнаго здѣсь былъ бы *ложью* съ нашей стороны.

Дѣло въ томъ, что этотъ маленькій § не есть что либо заимствованное авторомъ откуда либо извнѣ, не есть даже

<sup>1)</sup> Курсъ ц. права, 30—31.

такъ сказать сводъ, послѣднее слово методологіи церковнаго права, скомпанованный изъ цѣлой литературы по сему предмету, а есть не что иное, какъ точное описаніе того пути по дебрямъ церковнаго права. которымъ ходилъ дѣйствительно покойный А. С. Павловъ. Что такое была вся ученая жизнь и дѣятельность его какъ не это неустанное *восхожденіе* къ источнымъ началамъ дѣйствующаго права и *возвращеніе* оттуда съ постоянною и точною отмѣтою мѣстныхъ, національныхъ, политическихъ вліяній на эти источныя начала? Мы увѣрены, что каждый, знакомый съ изданными работами покойнаго и лично знавшій объ этихъ его восхожденіяхъ и нисхожденіяхъ, прочтя этотъ § скажетъ, что дѣйствительно, это есть описаніе пройденнаго имъ ученаго пути. Это такимъ образомъ есть автографъ, тогда какъ всякій иной пересказъ, напр. нашъ, былъ бы его поддѣлкою.

Методъ, описанный здѣсь, есть прямой, цѣлесообразный, но весьма трудный, подъчасъ тѣсный и скорбный, за то—плодоносный.

Плодотворность его обнаруживается въ томъ, что результатомъ его служить научное изложеніе, представляющее не только „*упрощеніе познанія права*“: ибо вмѣсто массы законовъ оно излагаетъ въ маленькой книжкѣ *всю суть ихъ*, но и „*приращеніе права изъ самого себя, ростъ его извнутри*“—ибо даетъ такія положенія, которыхъ нѣтъ непосредственно въ источникахъ, и которыя однакоже рѣшаютъ непредвидѣнные ими случаи точно такъ, какъ рѣшилъ бы ихъ законодатель <sup>1)</sup>.

Громаднымъ значеніемъ исторіи, не только церковной, но и національной и политической, какое придаетъ ей методъ А. С. Павлова („постоянно и точно отмѣчая мѣстныя, національныя, политическія вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ ц. институтъ достигъ настоящаго своего вида“), онъ сближается съ историко сравнительнымъ методомъ Н. С. Суворова: но какая въ тоже время глубокая разность въ результатахъ? Тогда какъ для перваго исторія служить *средствомъ* къ объясненію того вида, который получилъ въ данное время извѣстный ц. ин-

<sup>1)</sup> См. напр. стр. 358, § 110 о физическомъ или незаконномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку.

ститутъ; для второго—церковная исторія (и только одна церковная)! есть безапелляціонный господинъ, толкающій его на построение совершенно нелогическихъ умозаключеній и въ рѣшительную оппозицію богословской догматикѣ и основнымъ источникамъ права. Если этотъ господинъ внушаетъ г. Суворову что „было такъ доселѣ“, то этотъ послѣдній присоединяетъ: „такъ и быть должно“ (ab esse—ad necesse). Но это противорѣчить кормчей книгѣ и догматическому богословію Макарія?—Что за бѣда, отвѣчаетъ г. Суворовъ: нужно ими поступиться, поставивъ въ замѣну ихъ напр. „книгу о должностяхъ“ и какой либо хорошей курсъ римскаго и вообще гражданскаго права. Такъ и случилось, что учебникъ его даетъ въ большинствѣ не знаніе права русской церкви, не приращеніе его, а только его критику (съ чуждой для него точки зрѣнія) или рѣшительное отрицаніе.

Путь, избранный, пройденный и рекомендуемый А. С. Павловымъ для научной обработки русскаго церковнаго права—очень трудный, подѣ часъ—скорбный путь. Гдѣ причина этого? Въ мало обработанномъ, хаотическомъ состояніи даже писменныхъ источниковъ права (не говоря объ обычномъ правѣ, которое доселѣ еще не тронуто наукой), цѣлыя массы котораго доселѣ покоятся, а иногда и гниютъ въ разныхъ архивахъ присутственныхъ мѣсть, музеяхъ, библіотекахъ. Вѣдь легко только сказать, что нужно (а дѣйствительно нужно) восходить отъ cadaго дѣйствующаго ц. института къ источнымъ его началамъ—но исполнить—иногда сущая бѣда. Конечно, хорошо, если желаемый для изслѣдованія институтъ началъ дѣйствовать недавно — въ эпоху господства печати — тогда совершить восхожденіе — дѣло легкое. Но вѣдь въ нашемъ церковномъ правѣ есть масса институтовъ, источныя начала которыхъ уходятъ въ глубь не только русской исторіи, но и исторіи Византіи, Грузіи, Моравіи, Египта, Египтіи и т. д. и восхожденіе къ которымъ придется совершать далеко не по протореннымъ дорогамъ... Не скрываетъ этихъ трудностей А. С. Павловъ отъ своихъ учениковъ, но онъ убѣждаетъ и ободряетъ ихъ не страшиться этихъ трудностей, обѣщая награду за то. *Какъ и какую?* Въ отвѣтъ на это я вынужденъ просить Редакцію Богосл. Вѣстника выпустить 2-мъ изданіемъ слѣдующія строки. курса: „Описанное состояніе источниковъ

дѣйствующаго русскаго права—т. е. ихъ разбросанность по многочисленнымъ законодательнымъ сборникамъ, конечно, весьма неблагопріятно отзывается на самой церковной практикѣ, препятствуетъ ей развитію церковнаго права и съ тѣмъ вмѣстѣ значительно затрудняетъ научную разработку его, которая, какъ мы видѣли, началась у насъ очень недавно. За то, именно въ виду такого хаотическаго состоянія источниковъ нашего церковнаго права, *ни одна изъ юридическихъ наукъ не можетъ имѣть у насъ такого высокаго значенія для жизни и практики, какъ наука этого предмета.* Здѣсь ей открывается обширное и мало разработанное поле дѣятельности. Правда, овладѣть всѣмъ этимъ полемъ *дѣло не легкое, но за то каждый клочекъ его, научно и добросовѣстно обработанный, воздастъ своему дѣятелю плодъ сторицею — въ видѣ высокаго духовнаго наслажденія, какое доставляетъ всякій самостоятельный научный трудъ, имѣющій въ виду общее благо.* Въ какомъ бы хаотическомъ состояніи ни находился положительный матеріалъ, съ которымъ долженъ имѣть дѣло русскій канонистъ, но у него имѣются два могущественныя и вѣрныя средства ввести въ этотъ хаосъ порядокъ и свѣтъ. Одно изъ этихъ средствъ—объективное: оно состоитъ въ общихъ началахъ и основаніяхъ церковнаго права, раскрываемыхъ въ каноническомъ кодексѣ Вселенской церкви, познаніе и разумѣніе котораго не представляетъ особенныхъ трудностей. Эти начала и основанія составляютъ высшій критерій для положительнаго церковнаго права во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, слѣдовательно и для русскаго церковнаго права. Другое средство — субъективное: оно состоитъ въ юридической техникѣ, при помощи которой каждый научно образованный юристъ можетъ разобраться въ какомъ угодно хаосѣ, представляемомъ источниками того или другаго положительнаго права. Онъ сѣумѣетъ отличить въ этомъ хаосѣ существенное отъ несущественнаго, постоянное отъ подлежащаго перемѣнамъ, устарѣлое отъ дѣйствующаго и так. образомъ установить по каждому данному вопросу дѣйствительную догму права. *Только юристъ, владѣющій этими двумя средствами и при томъ воодушевленный беззаветною любовью къ своему дѣлу, можетъ создать строго-научную догматическую систему русскаго церковнаго права, какъ особую вѣтвь права единой Вселенской Церкви Хри-*

стовой, питающуюся изъ источниковъ этого послѣдняго“ (стр. 188—189).

Въ этой тирадѣ, какъ и въ предыдущей, все — каждая юта и черта—Павловское. Да, еще ни одинъ изъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ — юристовъ не высказалъ съ такою ясностію и живостію—въ чемъ состоитъ задача науки православно русскаго церковнаго права и какъ именно къ разработкѣ источниковъ его примѣнить самыя строгія и самыя испробованныя методическія средства современной европейской юриспруденціи. Еще ни одинъ изъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ юристовъ, пройдя самолично этимъ научнымъ путемъ (или методомъ) по неизвѣданнымъ доселѣ темницамъ или свѣтлицамъ, въ которыхъ покоятся источники нашего права, не высказалъ съ такою откровенностію и съ такою правдивостію восторженнаго впечатлѣнія, производимаго этою полутаинственною, дѣвственною привлекательностію православно-русскаго церковнаго права, какъ это высказалъ въ своемъ курсѣ нашъ А. С. Павловъ.

До сихъ поръ, характеризуя методъ и направленіе курса А. С. Павлова, мы имѣли предъ глазами только первыя 35 страницъ его книги, или *введение*. Слѣдующая за тѣмъ часть, располагающаяся на стр. 36—189 представляетъ собою весьма сжатую и въ то же время весьма полную исторію источниковъ православно церковнаго права отъ начала христіанства по настоящее время. На этой части курса мы не будемъ останавливать вниманія читателей во 1-хъ потому, что въ противномъ случаѣ наша краткая характеристика расширилась бы до размѣровъ обширной монографіи, а главнымъ образомъ потому, что разсмотрѣніе этой части не прибавило бы никакихъ новыхъ характерныхъ чертъ къ тому типу историка права русскаго и византійскаго, какой уже создалъ себѣ (въ представленіи ученыхъ людей) покойный А. С. Павловъ своими изданіями памятниковъ права и своими весьма извѣстными капитальными монографіями. Итакъ, желая быть краткими, скажемъ вообще, что это есть лучшая исторія источниковъ православноцерковнаго русскаго права, покрывающая своими достоинствами всѣ доселѣ появлявшіяся въ печати работы этого рода и у насъ и за границею.

Болѣе интереса для насъ представляетъ слѣдующая часть:



система церковнаго права, располагающаяся на стр. 190—465 (внутреннее церковное право), а за тѣмъ и третья часть, располагающаяся на стр. 466—539 (внѣшнее ц. право).

Объ эти части для насъ имѣють глубокой интересъ потому, что въ нихъ наиболѣе полно выступаетъ примѣненіе выше характеризованнаго метода А. С. Павлова. Появившееся теперь посмертное изданіе его курса и покажетъ намъ выполнилъ ли, или въ какой мѣрѣ выполнилъ этотъ курсъ ту задачу науки права, какую во введеніи предначерталъ онъ и какую надѣялся выполнить при помощи своего метода?

Разсматривая систему А. С. Павлова съ точки зрѣнія его метода и опредѣленія задачи науки, выраженнаго имъ самимъ, мы должны сказать, что въ разныхъ ея частяхъ замѣчается большая въ этомъ отношеніи неравномѣрность: нѣкоторыя части въ ней очень кратки и бѣдны содержаніемъ (таковы напр. начальные §§ системы: 54, 55, 67, 70), но за то другія — обработаны въ настолько совершенномъ видѣ, что, повидимому, обезпечили свое неизмѣнное существованіе на долгое время. На этомъ основаніи должно сказать, что задача науки ц. права разсматриваемымъ курсомъ далеко невыполнена. Отчего это зависѣло? Безъ сомнѣнія— прежде всего оттого, что издателемъ явился не самъ авторъ, а лица стороннія, поставившія свою задачу „съ возможною точностью воспроизвести курсъ А. С. Павлова въ томъ именно видѣ и составѣ, какой имѣетъ этотъ многолѣтній трудъ въ посмертныхъ бумагахъ его незабвеннаго автора“<sup>1)</sup>; но главнымъ образомъ потому, что задача, предначертанная авторомъ, такъ глубока, что составляетъ *идеаль науки*, къ которому въ дѣйствительности со стороны отдѣльнаго лица, какъ бы ни было оно гениально, возможно только *приближеніе* въ той или иной степени.

И вотъ, разсматривая посмертное изданіе курса А. С. Павлова съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что оно вполне оправдываетъ составившееся еще при жизни его убѣжденіе о его курсѣ, какъ „образцовомъ во всѣхъ отношеніяхъ“<sup>2)</sup>: намъ остается только подставить оговорку „но

1) Предисловіе, II.

2) Предисловіе, I.

далеко не во всѣхъ частяхъ системы“. Насколько сократилось бы количество такихъ недостаточныхъ частей, если бы издателемъ былъ самъ покойный авторъ — опредѣлить, конечно, нѣтъ возможности. Но что въ особенности достойно сожалѣнія въ чисто научныхъ интересахъ, именно въ цѣляхъ восполненія этой недостаточности въ духѣ и направленіи покойнаго автора, это—отсутствіе въ разсматриваемомъ изданіи *литературы предмета*: указатель ея, ключъ — такъ сказать—къ открытію входа въ сокровищницу своей необъятной эрудиціи покойный унесъ съ собою и это—утрата невознаграждаемая. Въ распоряженіи рецензента или критики имѣется текстъ автора, заключающій сжатую формулу мысли, вылившейся на бумагу какъ плодъ долгихъ изысканій, долгихъ думъ, но процессъ ея образованія—совсѣмъ скрытъ. Вскрытіе этого процесса—вотъ прямой долгъ рациональной, научной критики недостаточныхъ частей системы А. С. Павлова, приводящій не столько къ оцѣнкѣ ихъ достоинства, сколько къ составленію комментаріевъ къ нимъ. Эти комментаріи должны состоять въ *указаніи источниковъ*, которые навели его на ту или иную его формулу, на высказанное имъ положеніе, и въ *дополненіи* тѣхъ промежуточныхъ стадій въ генезисѣ разсматриваемаго церковноюрідическаго института, которыхъ не успѣлъ указать въ своемъ курсѣ его авторъ.

Само собою разумѣется, что такая работа надъ недостаточными частями курса А. С. Павлова требуетъ для себя не узкихъ рамокъ обычной рецензіи и не такихъ небольшихъ моментовъ времени, какіе потребны для реценціи — а продолжительной работы спеціалиста, могущей разростись въ цѣлый новый курсъ, какъ слѣдующую высшую ступень научной обработки права—но методу и направленію, расчищеннымъ и пройденнымъ А. С. Павловымъ.

Изъ тѣхъ частей курса, которыя мы желали бы указать въ качествѣ образцовъ для такихъ ученыхъ труженниковъ православноцерковнаго права, отмѣтимъ слѣдующія.

1) Въ цѣлой системѣ церковнаго права нѣтъ скучнаго и запутаннаго предмета, какъ ученіе о видахъ родства и численіи степеней его, но въ курсѣ А. С. Павлова этотъ отдѣлъ изложенъ такъ методично просто, что его можетъ безъ затрудненія усвоить не только студентъ, но и мало-

мальски развитый ученикъ церковно - приходской школы. (См. стр. 336—358).

2) Излагая послѣдовательное движеніе законодательной идеи, какъ оно открывається въ источникахъ права, А. С. Павловъ иногда усваиваетъ самый тонъ, мотивы повелѣнія или запрещенія и въ своемъ изложеніи такъ сродняется съ языкомъ законодателя, что это изложеніе становится художественнымъ. Такова напр. слѣдующая тирада:

„Устанавливая наименьшій возрастъ для вступленія въ бракъ, положительное право, церковное и гражданское, указываетъ и крайній предѣлъ старости, за которымъ заключеніе брака признается уже дѣломъ физически и нравственно невозможнымъ. Физически—такъ какъ самая способность къ половому совокупленію съ лѣтами теряется, нравственно—такъ какъ старость естественно должна заставить человѣка помышлять о смерти и вѣчности, а не о радостяхъ медоваго мѣсяца, которыя вообще ей не къ лицу: *время всякой вещи подъ солнцемъ!*“ (стр. 330).

Читая эти строки, невольно задаешься вопросомъ: кто здѣсь добродушно посмѣивается надъ немощами и искушеніями старости: блаженнѣйшій ли патріархъ Адрианъ или симпатичный старецъ А. С. Павловъ?!

3) Весьма трудный и сложный вопросъ нашего церковнаго права—объ отношеніи церкви къ государству — въ курсѣ А. С. Павлова получилъ слѣдующее историческое освѣщеніе:

„Въ исторіи отношеній русской церкви къ государству до в. рѣзко отличаются три періода: первый—отъ начала христіанства на Руси до утвержденія Московскаго единодержавія въ XVI в: это періодъ наибольшей церковной самостоятельности..., Второй періодъ—отъ начала Московскаго единодержавія до Петра Великаго: въ этотъ періодъ отношенія между духовною и мірскою властью съ одной стороны получаютъ большую опредѣленность, съ другой характеризуются рѣшительнымъ стремленіемъ правительства подчинить церковь своему опредѣленному вліянію. Третій періодъ—отъ Петра Великаго или учрежденія Св. Синода до настоящаго времени: это періодъ политическаго господства государства надъ церковію. Черезъ всѣ эти періоды *проходитъ одна общая мысль, что церковь и государство составляютъ два жизнен-*

ные порядки, находящіеся между собою въ живомъ, органическомъ взаимодѣйствіи. Ни въ понятіяхъ народа, ни въ устройствѣ и учрежденіяхъ русской земли эти два порядка никогда не были раздѣлены между собою“ (Стр. 493).

Характеризуя первый изъ этихъ періодовъ, А. С. Павловъ между прочимъ говоритъ: „Единство независимой духовной власти, при господствѣ удѣльной системы, служило связующимъ началомъ русской народности. Эту мысль ясно высказалъ Константинопольскій патріаршій соборъ при утвержденіи въ 1389 г. митрополита Кипріана. Не соглашаясь на раздѣленіе русской митрополии на литовскую и московскую, соборъ говорилъ: „такъ какъ въ Руси нельзя сосредоточить *мірской* власти въ одномъ лицѣ: то отцы собора и установили *одну* власть духовную. Поэтому, духовенство, при всѣхъ попыткахъ князей отдѣлить русскую митрополию отъ Константинопольскаго патріарха оказывало самую рѣшительную оппозицію. Допустить домашнія поставленія митрополитовъ значило бы подвергнуть Русь опасности раздѣленія на нѣсколько независимыхъ митрополій и съ тѣмъ вмѣстѣ усилить и безъ того сильную политическую разнь удѣловъ и областей“ (498).

Характеризуя отношеніе церкви къ государству въ XVIII в., А. С. Павловъ такъ характеризуетъ личность митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣвича:

„Эта личность отчасти напоминаетъ патріарха Никона: тотъ же духъ церковной свободы, таже рѣзкость и независимость убѣжденій, тѣ же понятія о характерѣ духовной власти. Въ 1742 году назначенный въ члены Синода, онъ вмѣстѣ съ Новгородскимъ архіепископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ подалъ Императрицѣ Елизаветѣ докладъ объ уничтоженіи Синода. Кроме того, Арсеній признавалъ унизительною для архіерейскаго сана ту форму присяги, которая предписывалась Духовнымъ Регламентомъ для членовъ Синода. Въ особенности возмущался онъ извѣстнымъ уже намъ пунктомъ этой присяги, гдѣ сказано: „исповѣдую съ клятвою крайняго Судію сея комиссіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу всемилостивѣйшую“. Этотъ пунктъ Арсеній въ своемъ проэктѣ предлагалъ замѣнить такимъ образомъ: „исповѣдаю же съ клятвою крайняго Судію и Закоподателя духовнаго сего церковнаго правитель-

ства быта—Самого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, полномощнаго Главу церкви и Великаго Архіерея и Царя, надъ всѣми владычествующаго и всѣмъ имущаго посудити живымъ и мертвымъ“. Противъ этого пункта своей проектированной присяги Арсеній сдѣлалъ еще такую замѣтку; „монаршей власти довольно въ той силѣ присягать къ вѣрности, въ какой силѣ показано отъ крайняго Судии Христа въ Евангеліи и Апостолѣ монаршей власти повиноваться“. Въ названіи Государыни крайнимъ Судьею Синода Арсеній видѣлъ излишнее ласкательство „во униженіе или отверженіе крайняго Судии Самого Христа“. Государыня хотя и приняла этотъ докладъ, но оставила его безъ всякаго исполненія. Арсеній, не принявъ присяги на званіе синодальнаго члена, уѣхалъ изъ Петербурга на свою епархію. Недовольство современными церковно-іерархическими порядками побудило его въ 1745 году проситься на покой, но императрица его не уволила. Судьба предназначила ему раздѣлить участь Лопатинскаго. Въ 1762 г. вышелъ указъ Петра III объ отобраніи въ казну всѣхъ недвижимыхъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Екатерина II хотя и отмѣнила распоряженіе своего супруга, но вскорѣ потомъ назначила особую комиссію для разсужденія о способахъ содержанія духовенства. Между тѣмъ Синоду предписано было разослать по епархіямъ команды для описи всѣхъ церковныхъ имуществъ. По приказу Коллегіи Экономіи разсылались по митрополичьимъ и архіерейскимъ домамъ офицеры, пересчитывали деньги, пересыпали и перемѣривали хлѣбъ, добывали и вымогали недомки, запечатывали магазины и амбары, и выдавали все архіереямъ и монастырямъ съ вѣсу, мѣры и счету. Всѣ эти сцены сильно возмущали горячее сердце Арсенія Мацѣвича. 6 Марта 1763 года онъ послалъ въ Синодъ рѣзкій протестъ противъ этого обиднаго для духовенства хозяйничанья офицеровъ. Синодъ нашелъ, что все, написанное въ этомъ протестѣ, относится къ оскорбленію Ея Императорскаго Величества, и донесъ въ этомъ смыслѣ государынѣ. На слѣдующій же день Императрица дала Синоду собственноручный указъ, въ которомъ между прочимъ сказано: „какъ я уповаю, что и Святѣйшій Синодъ безъ сумнѣнія признаетъ, что власть всѣхъ благочестивыхъ монарховъ, въ число которыхъ и я себя включаю, не для нихъ

единственно, но паче для общаго всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества благостоянія, сохраняема и защищаема быть должна: и какъ въ томъ его архіерея Арсенія доношеніи я усмотрѣла превратныя и возмутительныя истолкованія многихъ словъ священнаго писанія и книгъ святыхъ; того ради, для охраненія моихъ вѣрноподанныхъ спокойства, онаго архіерея Арсенія, такимъ преступникомъ отъ васъ признаннаго, Святѣйшему Синоду на справедливый судъ предаю“. Вызванный на этотъ судъ Арсеній отвѣчалъ, что онъ въ своемъ доношеніи „ничего клоняющагося къ оскорбленію Бя Величества быть не уповаль, а все то написалъ по совѣсти, чтобы не быть двоедумнымъ“. Когда стали разсматривать бумаги Мацѣевича, захваченныя при его арестѣ, то въ нихъ попали на слѣды еще болѣе тяжкаго преступленія. Оказалось, что въ 1762 г. Арсеній въ недѣлю православія велѣлъ протодіакону произнести по стариннымъ рукописямъ анаематство „на всѣхъ обидящихъ святыхъ Божіи церкви, отнимая у нихъ села и угоды“. На вопросъ Синода: „что значитъ это проклятіе?“—Арсеній отвѣчалъ: „грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что суда на нихъ сыскать не можно“. Послѣ такихъ признаній можно было ожидать, какой приговоръ произнесенъ будетъ надъ подсудимымъ. По опредѣленію Синода, конфирмованному государыней, Арсеній лишенъ сана и, подъ именемъ Андрея враля, сосланъ сначала въ Оерапонтовъ монастырь (куда и Никонъ), потомъ въ Корельскій монастырь, а затѣмъ въ Ревельскую крѣпость, гдѣ и умеръ въ 1772 году. На окнѣ своей тюрьмы онъ начертилъ углемъ назидательныя слова изъ Псалтири: „благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси“ (стр. 510—512).

Изобразивъ за тѣмъ по дѣйствующему законодательству основныя положенія, въ которыхъ опредѣляется отношеніе государства къ церкви и на оборотъ, А. С. Павловъ заключаетъ свой трактатъ такимъ положеніемъ:

„Во всѣхъ этихъ направленіяхъ верховная власть дѣйствуетъ, однакоже, на точномъ основаніи коренныхъ законовъ самой церкви, не касаясь ея существа, не измѣняя ея догматовъ, и тѣхъ началъ внѣшняго ея устройства, которыя она получила отъ своего Основателя. Эти основныя начала церковной жизни обязательны и для самаго Государя, какъ члена православной церкви“ (стр. 513—514).

Весь этот трактатъ мы желали бы рекомендовать, какъ образецъ вѣрнаго, яснаго и объективнаго изслѣдованія одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ науки православноцерковнаго права.

Почтенные издатели курса А. С. Павлова добросовѣстно исполнили свою задачу, увѣковѣчивъ для науки полный и цѣльный текстъ его, и оказали ей огромную услугу, предложивъ этотъ курсъ въ процессъ его созиданія, въ той стадіи процесса, на которой пресѣклась смертью плодоносная ученая дѣятельность незабвеннаго глубоко ученаго и характерно національнаго русскаго канониста XIX-го вѣка. Въ-стѣ съ тѣмъ они гарантировали и личность покойнаго автора „курса“ отъ разнаго рода поверхностныхъ криво-толковъ.

*Н. Заозерскій.*

---

#### ПОПРАВКА.

Въ предыдущей нашей статьѣ, Октябрьской кн. стр. 249. на строкъ 6-й сверху ошибочно напечатано: *Синьковского*. Должно читать: *Сопновскаго*.

---